

Хамза Есенжанов

ЯИК- СВЕТЛАЯ РЕКА

РОМАН

*Авторизованные
переводы с казахского*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
Алма-Ата — 1976**

Е 82 **Есенжанов Хамза**
Яик — светлая река. Роман. Алма-Ата,
«Жазушы», 1976.
576 стр.

Хамза Есенжанов — автор многих рассказов, повестей и романов. Его наиболее значительным произведением является роман «Яик — светлая река». Это большое эпическое полотно о становлении Советской власти в Казахстане. Есенжанов, современник этих событий, используя в романе много исторических документов и фактов. Прототипы героев романа — реальные лица. Автор прослеживает зарождение революционного движения в самых низах народа — казахских аулах, кочевьях, зимовьях; показывает рост самосознания бывших кочевников и влияние на них передовых русских и казахских рабочих-большевиков.

Роман «Яик — светлая река» в 1968 году получил Государственную республиканскую премию имени Абая.

Каз 2

Е $\frac{70303-164}{402(07)76}$ Доп — 76

© «Жазушы», 1976. Перевод с казахского.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Хаким кончал в этом году реальное училище.

В городе у него были излюбленные места, которые он посещал каждый день. Никакая непогода не могла удержать его. Этими местами были клуб медиков и дом на Губернаторской улице с высоким крыльцом и зеленой крышей. Едва на землю опускались сумерки, как он спешил в клуб потанцевать с Мукарамой, а потом провожал ее по тихим, заснувшим улицам. Мартовские события, взбудоражившие город, несколько не волновали Хакима. Он почти не ходил на съезды, куда стремились попасть все учащиеся; как-то случайно зашел с Мукарамой, но она сказала «скучно!»,— и он уже больше не помышлял об этом. Его не увлекали ни бурные споры товарищей, проходившие в общежитиях и ученических клубах, ни разговоры на улицах, Хаким отделился от друзей.

Сегодня он лениво лежал на кровати и, заложив руки под голову, вспоминал, как вчера вечером танцевал с Мукарамой, как провожал ее. Шли по освещенной стороне улицы, как хотелось Хакиму; ему было лестно на виду у всех идти рядом с Мукарамой. Возле дома с зеленой крышей и высоким крыльцом остановились. Мукарама пригласила его войти.

— Хаким,— негромко спросила она, когда они уже сидели в просторной и богато убранной коврами комнате,— что вы думаете делать после окончания училища: останетесь в Уральске или поедете в свою, как ее... Джамбейту? Какое нехорошее название!— в голосе девушки и ласка, и тихая, затаенная грусть.

— Когда я возле вас, моя звезда всегда надо мною,— сказал Хаким.— Работать в хорошем или жить в плохом городе— все равно, лишь бы быть с вами вместе,— он улыбнулся, довольный своим удачным ответом.— Но почему вы считаете Джамбейту плохим?

— Некрасивое название. Что это слово означает?

— Я же не словесник, чтобы знать значение каждого слова. В нашем языке много подобных слов: Анхата, Шидерты, Бульдурты, Улен-ты, Калдыгайты, Қокпекты...

— Ой-ой-ой! Какое множество «ты-ты-ты»!

— Можно сказать и Анхали, Шидерли, Бульдурли, Уленди, Калдыгайли!— добавил Хаким.— Со временем ученые напишут пудовые тома об окончаниях «ты» и «ли», доказав происхождение этих звуков своими тончайшими аргументами. Но что нам до этого!

— Вы не ответили на мой вопрос, Хаким.

— Где пожелаете, там и останусь. Только сначала надо окончить институт.

— Институт?!— воскликнула Мукарама и задумалась. Она вспомнила одного знакомого.— Хаким, вы знаете доктора Ихласа?! Он, кажется, тоже из Джамбейты. Красивый такой...

— Знаю, из наших мест. Да, он красивый человек. И жена у него красивая. И сын, должно быть, будет красивый.

— У него есть жена и сын?— удивилась Мукарама.

«Зря я все-таки сказал, подумает, что ревную...»— мысленно упрекнул себя Хаким.

— Мальчик у них совсем маленький. Ему около года. Они нам доводятся дальними родственниками.

Обоим стало неловко, и к этому разговору они больше не возвращались. Хаким все еще лежал в кровати, и улыбался — так приятны были ему эти воспоминания. Но размышления о докторе Ихласе настораживали его. «Почему она так интересовалась доктором? Странно...— думал Хаким.— Но нет, не может этого быть, чтобы доктор ей... Нет, Мукарама любит меня. Конечно же, только меня».

За окном — весна! Тает. С крыш звонко, одна за другой, падают крупные капли; в косых лучах солнца, щедро льющихся через окно на пол, кружатся тысячи мельчайших пылинко. Бесперывно чирикают воробьи. Рядком усаживаясь на карниз, они то вдруг с шумом взлетают ввысь, то опять возвращаются и клювами расправляют взъерошенные перья.

Хаким смотрит в окно и сладко потягивается. Воробьиное чирикание напоминает ему родной аул, такие же солнечные мартовские дни — ту беспечную детскую пору, когда он сбивал сосульки с карнизов плоских крыш, когда, взобравшись на сено, сложенное на крыше, ложился на солнечную сторону и часами наблюдал за перелетными птицами в бездонном голубом небе. Он считал и пересчитывал их и всегда сбивался со счета. Вспоминалась теперь и пестрая деревянная чашка с курткеже¹. Хаким словно держит в руках эту пеструю чашку, слышит запах, чувствует, как текут слюнки... «Вот бы увидела Мукарама, как я пил из той чашки...»— думает он.

В комнату вошел его товарищ по училищу Сальмен, с удовольствием растирая мохнатым полотенцем раскрасневшееся тело. Косо посмотрев на Хакима, он недоуменно пожал плечами и прошел к своей койке.

А Хаким ничего не слышал и ничего не видел. Воображение рисовало ему глиняную землянку с тухлым, прокисшим воздухом, в одном

¹ Курткеже — суп, заправленный куртгом.

углу жалобно блеет только что окотившаяся двойней овца, в другом — он и Мукарама — молодожены. Мукарама, с детства привыкшая к роскоши, меняет свой уютный четырехкомнатный деревянный дом на сырую полуразвалившуюся землянку?.. Его любимая Мукарама, привыкшая к кровати с пружиной, белоснежным простыням... Нет, аульная жизнь — не ее удел. Да и сам он вдруг почувствовал, что не сможет больше жить в такой землянке. «Я должен остаться в городе. Я буду в городе вместе с Мукарамой!»

— Эй, Онеке, ты все еще лежишь? Дорогой мой, уже десять часов! — войдя в комнату, проговорил гимназист с худощавым лицом и крупными большими глазами.

Хаким, не обращая внимания на вошедшего, продолжал беспечно смотреть в окно.

Сальмен пригласил Амира сесть.

— Сегодня жумга — день молитвы и праздника. Некуда идти, нечего делать, вот и лежим, отсыпаемся, — как бы оправдывался Сальмен. Он уловил в обращении товарища к Хакиму какую-то иронию, но, не поняв ее, решил тут же спросить: — Скажи-ка, Амир, что это за Онеке?

— Можно сказать и Евеке вместо Онеке. Суть не изменится. Все равно — покоритель неприступных женских сердец, — сухо бросил Амир.

— А-а, вон оно что, — протянул Сальмен. — Понял, понял: Евгений Онегин... Это наш-то Хаким?!.. — И, хлопнув себя по колену, громко рассмеялся.

— Эй ты, рыбак-баркин!¹ Да знаешь ли ты вообще что-нибудь, кроме чудака рыбака да судака-рыбки! Слушай, я тебе сейчас новость расскажу: и Овчинникова, и Макарова, и всех этих Акчуриных и Кубжасаровых обложили налогом. Каково?.. Теперь-то, наверное, придется им распрощаться с мельницами, заводами и всем богатством. Одно осталось — бежать. А знаешь, куда нынче буржуи собираются? В Барса-Кельмесскую область², — продолжал неугомонный Амир, толкая, в плечо Хакима.

— Оставь меня, пожалуйста, в покое, — хмуря брови, просил Хаким, — и без того не могу собраться с мыслями...

— Вставай, лежебока! Небось в любовной упряжке коренным идешь. Как по Абаю:

Шлю, тонкобровая, привет!
Похожей не было и нет!

Нечего сказать, красивая у тебя девушка. Сам видел: в момент одурчивает протачков! Смотри, Хаким, чтобы и ты не попался на ее крючок. Оторвешься от друзей — туго придется...

— Довольно! Сколько можно подшучивать?..

Но Амир не унимался:

¹ Баркин — ветвь Байбакты, занимавшаяся рыболовством.

² Барса-Кельмесская область — дословно: поедешь — не вернешься.

Когда тоскую по тебе,
Мне слезы затмевают свет...

— Тьфу!..

...Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не был мир согрет...
Ты в сердце у меня живешь,
Во сне преследуешь, как бред...

— Ну, чего замолчал? Пропой уж до конца.

— Ты, видно, не собираешься идти на собрание, самовлюбленный Нарцисс!..

— У меня сегодня много неотложных дел.

— Конечно, конечно,— к Курбановым зайти..

Хаким отвернулся. «Завидует...» — подумал он. Но прямодушный и находчивый весельчак Амир, несмотря на то, что Хаким отвернулся от него, продолжал со смехом:

— Хаким, дружище, зачем нам городские чиновничьи дочери? Женки... Зачем ты спешешь с женитьбой? Повремени, мы найдем себе без восьми черных!..¹ Наших, простых, степных!

— Нет, Амир, твое деление на простых — степных и городских чиновничьих — неверное,— возразил Сальмен.— Ты как будто не невест, а скакунов себе выбираешь. И там и здесь есть хорошие и плохие девушки.

— В спорах рождается истина, как говорил наш филолог. Правильно, Сальмен, вступай в спор. Под простыми я подразумеваю дочерей трудового народа! Понял? То-то!— Амир назидательно поднял палец. Немного помолчал и заговорил совершенно о другом:— Вчера на заводе был митинг. Выступал Дмитриев. Жаль, что вас там не было. Вот оратор так оратор! Хорошо говорил, народу собралось много. После собрания его рабочие на руках вынесли... А сегодня состоится митинг фронтовиков. Одевайтесь, пойдемте! Будет очень интересно! Опять должен выступать Дмитриев.

Хаким встал с постели и начал одеваться, не поддерживая разговора Амира с Сальменом.

— Хаким, давай и мы сходим. Ты слышал, что Амир говорил? Там будут все студенты. А после митинга втроем зайдём в чайную и пообедаем.

Хаким отрицательно покачал головой и вышел.

2

Доктор Ихлас Шугулов, приехавший в город из Джамбейты, остановился у толмача — переводчика Минхайдара Курбанова. Встал он в это утро рано. Торопливо позавтракав, пошел на заседание земства, где вторую неделю обсуждались вопросы землеустройства.

¹ Без восьми черных — то есть без калыма. Обычно калым за девушку устанавливался в восемь голов рогатого скота, среди которых должны были быть четыре стельные коровы.

— До скорого свидания, аже!¹— Доктор почтительно склонил голову перед бойкой старушкой с узкими, плутоватыми глазами.

— Счастливого пути, доктор! Не опаздывайте на обед,— ласково ответила старуха, провожая гостя.

— Постараюсь, постараюсь...

Когда за доктором захлопнулась дверь, старуха начала на все лады расхваливать его:

— Воспитанный человек, благородный, учтивый... Уходит — прощается, приходит — здоровается. Среди теперешней молодежи это клад, а не человек.

Молодой доктор нравился старухе не только своей учтивостью и изысканностью манер, но и щедростью. Старуха, хорошо знавшая цену деньгам, умела оценить и такое благородство гостя. На деньги, что давал доктор, можно было купить продуктов на целую неделю.

— Видимо, правду говорили, что отец его — богатый человек. Да, видно, и сам он получает немалое жалованье, если имеет возможность давать деньги без счета... Красивый, очень красивый человек,— бормотала старуха, складывая в аккуратную стопку обесценивающиеся керенки.— С образованными людьми никогда не пропадешь...

Мукарама стояла перед трюмо и поправляла свои пышные волосы. Минхайдар просматривал «Уральский вестник». Они не обращали внимания на старуху. Толмач скользил глазами по заголовкам — неинтересно. Взгляд его остановился на объявлениях, набранных крупным шрифтом. Но и здесь он прочел только приказ наказного о поголовном взятии всех казаков на учет.

Свернув газету, Минхайдар положил ее на стол и несколько минут сидел молча, нервно покусывая ногти. Затем встал, прошел в свою комнату, переделся и, вернувшись, задумчивым взглядом посмотрел на Мукараму. Она все еще стояла возле трюмо. Минхайдар позвал сестренку в свой кабинет.

— Мукарама, иди-ка сюда!

— Что скажешь, абый?²— спросила девушка, входя вслед за ним в комнату.

Мукарама знала: если брат вызывал ее в кабинет, то разговор предстоял серьезный. Она с нескрываемым любопытством смотрела в бледное лицо брата, стараясь угадать, о чем он будет говорить. Но лицо Минхайдара было непроницаемо — он умел скрывать свои чувства. Тонкие морщинки на нахмуренном лбу и всегда сжатые губы придавали его лицу суровый вид. Но Мукарама все же заметила внезапную перемену в брате за последнюю неделю: под глазами у него появились синие круги, и сам он казался помятым и измученным, словно не спал несколько ночей подряд. Брат теперь был холостым человеком, и Мукарама подумала: «Может, засиделся где-нибудь на гулянке?..» Но тут же отбросила эту мысль — ведь она видела, что всю ночь напролет в кабинете Минхайдара горел свет.

¹ А ж е — бабушка.

² А б ы й — старший брат (татарск.)

Толмач подошел к окну и, резко обернувшись, в упор посмотрел на сестру. Скрестив руки на груди, он медленно начал говорить:

— Когда умер ати¹, ты была еще маленькая. Растить тебя, воспитывать и учить — все эти обязанности легли на мои плечи. Ты это сама прекрасно знаешь. Вот и сейчас я частично выполняю эти обязанности. Ты окончила медицинские курсы. Это хорошо. Но достаточно ли это образование? Нет. И это ты тоже отлично понимаешь. Ты должна поступить в институт. Но!.. Но что теперь делается в мире?! Все перевернулось вверх дном, все перемешалось и перепуталось, и учиться в такой обстановке, конечно, нет никакой возможности. Гражданская война!.. Долго ли продлится она, скоро ли кончится — известно одному аллаху. Я говорю это к тому, что тебе нужно начать работать по специальности. Кое-что я уже придумал на этот счет и хочу дать тебе сегодня совет, а заодно и предложить место, которое я подыскал, где можно хорошо устроиться.

Этот нравоучительный тон брата Мукарама знала отлично. «Опять советы...» — недовольно подумала девушка. Ей хотелось теперь поскорее уйти куда-нибудь, все равно куда, лишь бы не слышать монотонного голоса брата.

— Я все выполню, что бы вы мне ни сказали! — выпалила она и схватила за ручку двери. Но тут же отдернула руку, испугавшись своих необдуманно сказанных слов: «Выполню все... А вдруг он что-нибудь предложит такое... Родной брат, а обязательно идет наперерез твоим желаниям...» Невозмутимый вид брата, его серьезный и настойчивый взгляд не на шутку встревожили Мукараму.

— Я присмотрел тебе место, где ты получишь хорошую практику, — снова начал Минхайдар. — Ты будешь работать с доктором Ихласом. Он согласен руководить твоей практикой. Этот человек — видный хирург.

— Здесь, в Уральске? — вырвалось у Мукарамы.

— Нет. В Джамбейте... Скоро этот человек, по всей вероятности, станет министром казахского правительства... Во всяком случае, доктор Ихлас и сейчас заведует уездной больницей. У него впереди большая перспектива, и, если ты захочешь, эта перспектива будет и у тебя.

— Абый, зачем иметь огромную перспективу где-то? Для меня как для медицинской сестры вполне достаточно и здешней городской больницы, — начала было возражать Мукарама, но брат тут же перебил ее:

— Ты же только что дала обещание, что будешь выполнять все, что я скажу.

Голос брата звучал властно и твердо, и Мукарама с гневом подумала: «Жестокий, безжалостный человек! Почти выгнал свою жену, заставил ее уехать к родителям. Теперь надо мной хочешь властвовать?..» Она презирала брата в эту минуту, ненавидела его всем своим существом, но не могла сейчас открыто высказать ему свое негодование. Стараясь скрыть нахлынувшие чувства, Мукарама отвернулась и тихо проговорила:

¹ Ати — отец (татарск.)

— Куда ты меня посылаешь? В глушь, с незнакомым человеком, одну...

— Не в глушь, а в уездный центр. Там у нас много знакомых татар. Я напишу письмо Валию Черному, ты у него остановишься и будешь жить. И не вздумай плакать, Мукарама, ты уже не девочка. Люди в восемнадцать лет государством управляют!.. Тебе необходимо ехать в Джамбейту и по другой причине, но... об этом разговор будет после. Так вот, слышала, что я тебе сказал? Все!

Не успела Мукарама опомниться, как Минхайдар вышел из кабинета. Она не слышала, как брат одевался в передней, как он вышел на улицу, хлопнув тяжелой дверью; девушка стояла неподвижно, затуманенным взглядом смотрела в окно и обдумывала, что теперь будет делать. Брат тверд, он постарается выполнить все, что сказал.

Едва Минхайдар вышел из дому, в кабинет колобком вкатилась старуха.

— Ты поезжай, Мукарама, поезжай! Не противься своему брату. С доктором Ихласом не только в Джамбейту — в Стамбул можно ехать! Такой симпатичный человек, э-э-э... — протянула она.

Мукарама внимательно поглядела на старуху и мысленно отметила, что и она в последние дни как-то изменилась: оживилась, бойчее двигала руками, громче и торопливее разговаривала, и в глазах ее светился какой-то подозрительный блеск.

— Его отец, говорят, богатый-пребогатый, — тараторила старуха. — И сам он человек щедрый-прещедрый! Среди нас, татар, редко встречаются такие люди. Разве только Акчурины?.. Но они все семейные...

И Мукараме вдруг все стало ясно. «Неужели они меня за этого доктора?.. Вдвоем решили?.. Доктор Ихлас!.. «Жена... Ребенок...» — вспомнила она слова Хакима. — Нет, этого не может быть!» Она на миг увидела перед собой Хакима. «Нет, это невозможно!..»

— Знаю, трудно в молодые годы... Вместе гуляли, ходили на танцы, привыкли друг к другу, — словно угадывая мысли девушки, говорила старуха. — Но ты не унывай, таких студентов еще встретится много, ой как много! А такой милый человек, как доктор, встречается в жизни один раз, да и то только счастливой девушке.

— Я же, бабушка, не просила вас подыскивать мне счастливого человека! Женатого... с ребенком... — Губы девушки дрогнули. — Если бы была жива мама... — Она не договорила и стремглав выбежала из кабинета.

— Э-э, ты еще молода. Не понимаешь ты ничего, — сказала вслед ей старуха и покачала головой.

3

Никто не откликнулся в доме Курбановых, когда Хаким постучал в дверь. «Неужели Мукарамы нет дома? Но если ее нет, где же тогда старуха?» Он постучал еще раз, не очень сильно, но настойчиво. По-прежнему ни звука. Прислушался: в сенцах будто закрители половицы, и снова тихо. «Неужели ослышался?» Хаким громко застучал в дверь и прислонился ухом к замочной скважине. Молчание. Тогда он

надавил плечом — дверь поддалась. Заглянув в небольшую щель, Хаким ничего не смог увидеть. Еще сильнее надавил плечом, но массивная зеленая дверь больше не поддавалась. Юноша растерянно стоял перед нею, не зная, что предпринять. Но вдруг его взгляд упал на перила, и он решил взобраться на них и оттуда заглянуть в окно. Прохожих не было, только в конце улицы маячила одинокая фигура. Хаким быстро вскарабкался на перила и заглянул в окно. Там в знакомом ему трюмо он увидел отражение девушки. Это была Мукарама. Она сидела на корточках, обхватив голову руками. Лица ее не было видно.

«Что с ней?.. Плачет?..» Хаким ясно видел, как поднимаются и вздрагивают плечи Мукарамы, и не мог оторвать взгляда от окна. Но с минуты на минуту могли появиться на улице люди, и это заставило его спрыгнуть вниз и снова подойти к двери.

По обеим сторонам крыльца стояли две скамейки. Чтобы не вызвать подозрений у прохожих, Хаким сел на скамейку с видом человека, который живет в этом доме. «Почему не открыли дверь? Мукарама, конечно, видела меня в окно... Может быть, случилось какое-то несчастье и она не хочет, чтобы я видел ее с заплаканными глазами? Но это глупо. Может, из-за меня что?.. Может, с братом поссорилась? Из-за чего? Они всегда жили мирно».

Немного повременив, Хаким снова настойчиво постучал в дверь. Но теперь, чтобы его не могли увидеть из окна, он плотно прижался к двери. Постучал второй раз, третий — нетерпение росло. Вот скрипнула дверь, и по полу легко зашуршали шаги. «Идет!..» Сердце гулко забилося в груди. «Обниму и крепко-крепко поцелую», — подумал он и уже приготовился выполнить свои намерения, но дверь открылась, и на пороге появилась старуха.

— Вам кого? — сухо спросила она, словно никогда раньше не знала Хакима.

— Аже, я... Мне надо поговорить с Мукарамой по одному делу... — робко сказал Хаким и хотел войти, но старуха преградила дорогу.

— Мукарамы нет дома, — оборвала она Хакима и стала закрывать дверь.

Хаким не сразу нашелся что сказать; он успел просунуть руку так, чтобы дверь не могла закрыться, и, собравшись с мыслями, проговорил:

— Аже, вы должны впустить меня. Я всего только на одну минуту. Одно только слово скажу и уйду. Ведь Мукарама дома, вон в той комнате сидит. Я ее видел...

Хаким замечал и раньше, что старуха с неприязнью относится к нему, но чтобы захлопывать перед ним дверь — этого не было. «В чем дело?..»

— Оказывается, ты не только под чужими дверьми околачиваешься, но и в чужие окна подглядываешь! — обрушилась старуха на Хакима. — Как это так — ни с того ни с сего ломиться в дверь к девушке? Где это видано? Вас только допусти, вы и в девичью спальню ворветесь!.. Мукарама больна и велела никого не впускать к себе. Убери руки, не хватайся!

Хаким вспыхнул, но сдержал себя и тихим извиняющимся голосом проговорил:

— Прошу прощения, аже. Я долго стучался, но никто не ответил. Вот и заглянул в окно. Ничего в этом плохо нет. Если Мукарама больна, то тем более я обязательно должен повидать ее.

— Нет, нет. Не велено!..

Но тут из комнаты в сенцы вышла Мукарама — Хаким увидел ее в просвет двери.

— Добрый день, Мукарама! Я хотел к тебе только на минутку, но аже не пускает меня. Мы никак с ней не можем договориться.

Девушка приоткрыла дверь, но молчала. Она безразличным взглядом обвела старуху и так же безразлично посмотрела на Хакима. Ее глаза, казалось, потускнели и были безучастными ко всему происходящему. Хаким растерялся. «Может, и в самом деле больна?» — мелькнула догадка. Он пристальней взглянул в лицо девушки, стараясь поймать ее взгляд, но она, как и в первый день их знакомства, смотрела куда-то поверх Хакима. Маленькая ямочка на правой щеке, которая всегда появлялась, когда она смеялась, теперь была еле заметна. Брови нахмурены, нижняя губа поджата. «Это что за перемена?» Робким, взволнованным голосом он спросил:

— Что случилось, Мукарама, что с тобой?

— Я вас не приглашала, — словно сдерживая гнев, ответила девушка.

— Да, мы условились встретиться в клубе, но вы же не запрещали мне приходить к вам домой! Я торопился увидеть вас!..

— Одного вашего желания недостаточно. Я в этом окончательно убедилась, — холодно проговорила девушка, все так же глядя поверх головы Хакима.

— Мукарама! — голос Хакима прозвучал умоляюще. — Что это? Я ничего не понимаю...

— Придет время — поймете.

— Мукеш, я ни в чем не провинился перед вами, чтобы так загадочно и холодно со мной разговаривать.

— Я никого не обвиняю, виновата сама...

Мукарама резко повернулась и ушла в комнату, Хаким ощутил на себе самодовольный взгляд старухи. Пока он раздумывал, входить или не входить, старуха захлопнула дверь:

Он все еще стоял перед дверью, когда его окликнули:

— А-а, молодой человек! Ты ко мне? Что, никого нет дома? — Вверх по ступенькам поднимался доктор Ихлас.

— Да, — растерянно ответил Хаким.

— Ну, садись на скамейку, присаживайся, побеседуем...

В только что организованном Совдепе разгорались бурные прения, а враги в это время тайно готовили заговоры.

Заседания Совдепа проходили почти каждый день — один за другим назревали неотложные вопросы, и их надо было решать. Члены Совдепа выступали активно. Особенно подолгу говорил член Совдепа Яковлев. Он начинал свою речь всегда с опровержения: «Это нереально, это неосторожный шаг...» Сколько ни проходило заседаний исполкома, какие бы ни разбирались на них вопросы, Яковлев неизменно твердил свое: «Это нереально...»

На вчерашнем заседании рассматривался вопрос о претворении в жизнь решений съезда о земельной реформе. Яковлев, взяв слово, начал мягко и слащаво, как неизменный советник-дядя, но таким тоном, назидательным и безапелляционным, что возражений после него не должно было быть.

— Пока мы укрепим и станем твердо на ноги,— говорил он, обходя присутствующих недвусмысленным взглядом,— нам нужно всячески обходить трудности, иначе говоря, лавировать на водоворотах, чтобы не опрокинуло нашу ладью. Короче, надо врага резать ватой...

Во время его слащавой и безупречно гладкой речи учитель Червяков, назначенный комиссаром просвещения, нетерпеливо ерзал на стуле, хмурил брови, недоумевающе поглядывал на председателя и, наконец не выдержав, перебил оратора:

— По-вашему, товарищ Яковлев, скотопромышленник Овчинников придет сам в Совдеп и скажет, что у него из десяти тысяч десятин пахотных и сенокосных угодий девять тысяч девятьсот оказались лишними. Берите, мол, их, товарищи совдеповцы. Так, что ли?

Лицо Яковлева слегка потемнело.

— Вы искажаете мои слова. Я говорил совсем не так, как вы пытаетесь передать. Я подчеркивал и еще раз подчеркиваю, что вскрывать рану преждевременно не следует.

— Следует!.. Рана эта раскрылась давно и сама, сама раскрылась эта социальная язва и гноится только благодаря словам и делам таких нерешительных, как вы, товарищ Яковлев, и вам подобных р-рев-во-лю-ционеров!

— Это, товарищ Червяков,— холодно возразил Яковлев,— с вашей стороны явное недопонимание сущности вопроса, схоластика, демагогическое рассуждение. Классовая борьба — это трудная и сложная борьба...

— Пролетариат сам возьмет власть в свои руки. А капиталисты и помещики никогда не скажут: «Нате, мол, возьмите, пожалуйста, бразды правления...»

Перепалка грозилась перейти в ссору, которая затянулась бы надолго и отвлекла заседание от существа разбираемого вопроса. Споривших вовремя остановил председатель Совдепа Дмитриев. Он подчерк-

нул смелость и принципиальность суждений Червякова и дал понять Яковлеву, что тот неправ. Но Яковлев и на сегодняшнем заседании начал выступать с отрицания. А заседание было экстренное. Председатель Оренбургского Совдепа Самуил Цвиллинг ночью вызвал к прямому проводу Дмитриева и сообщил ему, что Оренбургский Совет рабочих и крестьянских депутатов предъявил ультимативное требование Уральскому казачьему войску — в течение суток подчиниться местному Совдепу. Дмитриев доложил об этом членам Совдепа, и сейчас шло оживленное обсуждение, как и что нужно предпринять, чтобы заставить казаков выполнить это требование.

Особенно радостно встретил сообщение Дмитриева Червяков.

— Послать к наказному атаману парламентарера и ускорить ответ! — возбужденно предложил он.

— Его надо заставить поскорее убраться отсюда подобру-поздорову. Пусть навьючивает свой атаманский скарб и уходит. Это лучшее, что можно сделать, — сказал Абдрахман Айтиев, исподлобья поглядывая на сидящего напротив Яковлева.

В плохо натопленной комнате холодно и просторно. В ней нет ни роскошных стульев, ни диванов — простые скамейки и дубовый стол, вокруг которого и сидят члены Совдепа. Их всегда шестеро. Они — в верхней одежде, в шапка, словно зашли сюда на несколько минут, чтобы переброситься словом, и сейчас снова пойдут куда-то по важным и неотложным делам. Только Яковлев выделяется среди всех. На нем дорогое драповое пальто, на голове черная шляпа, а на ногах дорогие ботинки. Осмотрительный и осторожный, Яковлев с привычным спокойствием адвоката выслушал Дмитриева, подождал, пока отбывала волна возгласов и реплик, и взял слово.

— Нажим, — начал он осторожно, — оказанный Оренбургским Советом на правительство войска, и требования, предъявленные ему, — это всего лишь политический маневр, от которого нам ничуть не легче. В действительности же мы не получаем из Оренбурга ни вооружения, ни реальной помощи в людях. А сила противника? Обученные казачьи полки, готовые в любую минуту ринуться в бой и изрубить в куски всякого, кто попытается преградить им дорогу. Казаки, а это все мы знаем, народ отчаянный и безжалостный. Одно слово — го-лово-резы!. Теперь позвольте мне задать вам такой вопрос: а чем располагаем мы? Какими силами? Добрыми желаниями и благими намерениями — и все, насколько мне известно. При таких обстоятельствах бороться с казаками, бороться всерьез — это нереально и смешно.

Яковлев говорил сидя, наклонив голову и рисуя что-то на бумажке.

— Что же тогда, по-вашему, делать? — спросил Дмитриев.

Яковлев резко поднял голову и, бросив короткий неприязненный взгляд на Дмитриева, мгновенно отвернулся к окну, чтобы этого взгляда никто не смог заметить. Но Айтиев, следивший за Яковлевым и Дмитриевым, заметил все: как скрестились их взгляды и в усталых глазах Дмитриева заблестели огоньки гнева.

Все еще глядя в окно, Яковлев продолжал:

— Говариш Дмитриев, вы прекрасно знаете, что надо делать. Да и

все мы, здесь сидящие, хорошо понимаем обстановку. Я только повторяю уже сказанное мною: в данный момент нам не следует резко нажимать на Войсковое правительство. Это, понимаете, нереально. От этого не будет никакой пользы, мы только нанесем колоссальный вред делу революции... Попробуйте сказать генералам и атаманам: «Сдайте оружие, расформируйте части и расходитесь по домам!» И не просто по домам, а в подчинение Совдепа. Что они на это ответят? Да они попросту разгонят Совдеп, а нас всех арестуют. Поиздеваются, а потом повесят или расстреляют. Истребят всех, никого не пощадят. А мне, я думаю, так же, как и вам, не хотелось бы болтаться по глупости на перекладине!— Яковлев нервно забарабанил пальцами по столу.

Дмитриев встал, бледное лицо его побагровело. Он говорил, стараясь скрыть волнение, но гнев все же прорывался, и речь его была пылкой и острой:

— Давно уже было предложено генералам Мартынову, Емуганову и Акутину подчиниться областному Совдепу, ликвидировать правительство и распустить войско. Таково решение съезда. И что же, товарищ Яковлев, эти генералы уже разогнали Совдеп, и мы с вами висим на перекладине? Так, что ли? Или это нереально?.. Они боятся нас! Да, боятся. Но мы не боимся их и не собираемся складывать перед ними оружия. Совдеп существует, его не спрячешь в письменный ящик. Я не могу допустить, чтобы Совдеп бездействовал. Мы должны выполнить решения съезда и областного исполнительного комитета. Сил у нас для этого достаточно. Нужно только действовать смелее и решительнее. Да если бы большевики боялись арестов и гонений, то давно бы уже распалась наша партия или стала на путь соглашательства, как это сделал преподобный социалист Керенский, как это предлагаете теперь нам вы, товарищ Яковлев... Мы не можем принимать отступнических, половинчатых решений, ибо нас осудят массы, а это страшнее всяких перекладин!— Дмитриев обвел присутствующих вопросительным взглядом: поддерживают его другие члены Совдепа?

По тому, как члены Совдепа одобрительно закивали головами, Дмитриев понял — поддерживают.

Поднялся Червяков:

— Даже в случае, если нас — меня, Дмитриева, Айтиева и других — арестуют, от этого дело наше не погибнет. Совдеп будет жить, на смену нам придут другие и заставят подчиниться Войсковое правительство. Ведь за нами, товарищи, народ. За нами тысячи сочувствующих нам граждан, я уже не говорю о революционерах, которые всей душой преданы революции и готовы в любую минуту идти за нее на смерть. За нами наше рабочее правительство и большая Россия. Если это так, а это так и есть, какое мы имеем право хоть на вершок уступать врагу? Никакого. Оренбургский Совдеп предъявил ультимативное требование, и мы должны заставить Войсковое правительство подчиниться этому требованию немедленно, в течение двадцати четырех часов!

— Это единственно правильное решение, — подтвердил старый юрист Бахитжан Каратаев, степенно поглаживая густую бороду.

— Правильно!

— Верно!

— Итак, товарищи, вы меня здесь назвали соглашателем и трусом?— Яковлев повернулся к столу и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Если бы я был трусом, не сидел бы два раза в тюрьме. Разве об этом никому не известно? Я должен вам сказать: нет и не было Яковлева-соглашателя, есть только Яковлев-революционер! Товарищ Дмитриев очень красноречив, но, я думаю, бросать колкости и давать клички здесь совсем неуместно.

Яковлев умолк, обиженно опустив глаза. В комнате наступила тишина. Все старались не смотреть на Яковлева. Лишь Айтиев нет-нет да бросал на него исподлобья косые взгляды. «Конечно,— мысленно рассуждал он,— человек ты, Яковлев, хороший, хваткий, иной раз даже и находчивый, но, джигит ты мой дорогой, у тебя только хороши слова, а как до дела — кишка тонка... Пальто у тебя красивое, и сам ты красивый, но лучше бы было, если бы дела у тебя были красивые, как у Дмитриева...»

— Так что же, Петр Астафьевич, кто пойдет к генералу?— спросил Червяков у Дмитриева.

— Я пойду!— Яковлев встал.— Посмотрим, кто трусливый, а кто стойкий. Я потребую немедленно выполнить ультиматум!

Дмитриев недоуменно пожал плечами: «Поступай как знаешь»,— и, повернувшись к Мендигерею Епмагамбетову и Быкову, сказал:

— Не теряйте времени и поезжайте сейчас же, как уславливались. Вы готовы?— спросил он Мендигерея, широкоплечего человека в шинели.

— Собраться нам недолго, Петр Астафьевич, нужна только лошадь. Но лошадь, говорят, уже нашли. Мы с Быковым доберемся на его лошади до Требухи, а дальше поедem на свежих... Выедем сразу же после заседания,— заключил Мендигерей.

— Хорошо... Ну, товарищи, на этом заседание сегодня заканчиваем.

Комната опустела.

2

Перед Михеевым проплывала древняя Азия, как в сказке «Тысяча и одна ночь», с фантастическими городами, полными сокровищ, горами и полями, таинственными джунглями, кишашими тиграми, слонами, змеями,— обширнейший простор с бесчисленным населением, даровыми богатствами, двумя океанами и многочисленными морями, позволяющими плыть во все части света...

Вот она, величавая Приуральская низменность, как ворота соединяющая два материка. Через эту низменность лежал великий караванный путь в Азию. И славен подвиг первоказака атамана Ивана Кольцо, первым ступившего на эту благодатную землю.

Отделившись от буйной дружины Ермака Тимофеевича, Кольцо с небольшой горсткой людей двинулся вниз по Яику. На золотом куполе

Сарая-Орды — ставки Ногайского хана — он сменил холодный полу-месяц на свой победоносный флаг. Далеко вглубь зашел Иван Кольцо. Там, где ныне рассыпала избы станица Рубежная¹, уже давно сровнялась с землей забытая могила атамана.

Много унес в море воды Яик, много великих дел свершилось на его берегах. Одно за другим выросли военные укрепления, рождалось прославленное яицкое казачество — стальной щит Российской империи на дальней границе. Где вы теперь, закаленные в боях дружины Неплюева, Гурьева, Перовского! Неужели империя, создаваемая мечом и кровью в течение столетий, разлетится в один миг, как стекло? Казаки, герой-казаки — надежда и доблесть России! Неужели вы смените шашки на посохи и палки, а властвовать будут неотесанные мужики и грубые мастеровые?.. Или возьмут над вами верх дикие киргизы и вы станете их рабами?..

— Н-нет! Не бывать этому! — Михеев встал и, заложив руки за спину, быстро зашагал из угла в угол просторного, отлично меблированного кабинета.

Яковлев шел по улице не торопясь, угрюмый и злой. «Все, кто приезжает из России, особенно петроградцы и москвичи, — хвастунишки, — ехидно думал он. — Видели там революцию, герои! Нет, революция совсем не то, что вы думаете, товарищи С горсткой милиционеров и кучкой рабочих, причем бестолковых и безоружных, нечего соваться к казакам. Это наивысшая глупость. Только круглый дурак может не понимать этого. А заставить подчиниться казаков словами — это и вовсе смешно. Что им до наших слов, когда у них винтовки!..» Яковлев не верил, что можно сломить казаков, заставить их подчиниться Совдепу, однако все же шел в Войсковое правительство для переговоров с наказным атаманом Мартыновым.

Когда Яковлев отправлялся на переговоры, Айтиев предложил ему:

— Возьмите сопровождающих, вы же парламентар Совдепа! Одному неудобно идти...

Яковлев бросил короткий взгляд на Айтиева: «Держи свой ум при себе!» И, ничего не ответив, пошел один. Теперь, подходя к резиденции наказного атамана, он искренне сожалел, что не взял сопровождающих. Вдоль улицы и на крыльце толпились вооруженные казаки. Неблагоприятное предчувствие охватило Яковлева, но отступать уже было поздно.

У входа его остановил дежурный офицер и, приняв за обычного просителя, начал допрашивать, по какому поводу и с каким заявлением он пришел. Когда Яковлев сказал, что он — один из руководителей областного Совдепа и требует встречи с наказным атаманом, офицер с любопытством оглядел его и потребовал документы. Он долго рассматривал поданную бумагу, потом покрутил ее в руках и повел Яковлева к дежурному капитану.

Услышав: «Член облсовдепа...» — капитан поднял голову и в упор посмотрел на вошедшего.

— Вашим вопросом сейчас занимается господин Михеев, — отры-

¹ Рубежная — самая старинная казачья станица на Яике.

висто сказал он.— Давайте заявление, я передам его лично в руки его превосходительства.

— Господин капитан,— бодрясь, начал Яковлев,— я приехал не для подачи заявления, а для ведения переговоров. Сейчас не то время, чтобы генералы презирали нас, трудовой народ, надо бы и вам это знать. Сейчас наша власть, и я требую...

— Господин Яковлев, нотации будете читать в другом месте и для другой аудитории. Здесь мы сами можем дать вам урок по политике!— грубо оборвал его капитан.— Однако, если их превосходительство пожелает побеседовать с вами, я доложу им о вас,— и капитан скрылся за массивными дверями генеральского кабинета.

Через несколько минут он вернулся в приемную:

— Их превосходительство господин Михеев просит вас к себе.

Невысокий подвижный мужчина средних лет с черными блестящими глазами и сединой на висках, Михеев встретил Яковлева, как хорошего знакомого. Добродушно улыбаясь, пожал ему руку и усадил в кресло. Сам сел напротив и заговорил о погоде, о затянувшейся зиме в этом году, о том, что в городе пустеют лавки, а товары не завозятся. Ни словом не обмолвился он о брожении в городе, ничем не упрекнул Совдеп и большевиков. Со стороны казалось, что Михеев был настолько далек от политики, что едва ли удастся с ним переговорить.

— Трудно теперь хорошего табачку достать,— продолжал Михеев,— приходится довольствоваться тем, что есть. Закуривайте,— он протянул Яковлеву роскошную коробку с душистым турецким табаком. Лицо его расплывалось в улыбке.

«Какая благовоспитанность! Манеры!.. Какой культурный человек!— думал Яковлев.— Сразу видно: хорошо воспитан...» И он проникся искренним уважением к собеседнику.

— Извините, ваше превосходительство, но я не курю. Спасибо за угощение,— Яковлев почтительно наклонил голову.

Михеев, продолжая улыбаться, глазами настойчиво изучал собеседника.

Яковлев, когда входил к нему, намеревался сразу же пожаловаться ему на грубые поступки караульного офицера и дежурного капитана, но то, как принял его Михеев, разрушило его планы. Добродушные председателя располагало к другому — мирной беседе. Однако надо было что-то предпринимать. И Яковлев, борясь сам с собой, начал:

— Ваше превосходительство, уважаемый председатель, вы являетесь председателем Войскового правительства. А я, насколько вам уже известно, представитель областного Совдепа. По поручению исполнительного комитета я пришел к вам узнать, какой ответ вы приготовили на условия Оренбургского Совдепа.— Он вынул платочек и вытер вспотевший лоб.

Михеев ответил не сразу. Он с минуту сидел молча, словно вспоминая что-то и стараясь понять, о чем говорил собеседник, потом глаза его оживились, и он, растягивая слова, заговорил:

— Вы упомянули Оренбургский Совдеп?.. Да, да, что-то они нам присылали... какие-то требования или даже, кажется, ультиматум. Но

позвольте, для чего этот ультиматум? Он уместен только там, где люди не понимают друг друга или не хотят понимать и вечно ссорятся. Но между нами... Беда, знаете ли, в том, что некоторые из образованных людей понимают нас неверно, а иногда просто совсем не понимают. Думают, раз генералы, значит, обязательно реакционеры. А ведь это далеко не так. Свобода человека, социальный прогресс, стремление к возвышению нации — это задачи века, и они одинаковы для всех. И мы, генералы, отнюдь не противники этому. А если кто и противится, то это только по недоразумению. Сами подумайте, господин Яковлев, какой безумец осмелится возражать претив величия России? Кому не радостно сознавать, что Россия может стать в ряд великих держав с просвещенным народом, как цивилизованные западные империи?

— Ваше превосходительство, эти слова не прямой ответ на мой вопрос. Вы еще не сказали мне, когда признаете народное правительство, когда подчинитесь областному Совдепу и, наконец, когда распустите ваше так называемое Войсковое правительство?— осмелел Яковлев.

Михеев в ответ громко рассмеялся. Яковлев побагровел, в нем загворило самолюбие.

— Оренбургский Совдеп предъявил вам требование: подчиниться в течение суток! Вы должны это сделать мирным путем и немедленно. В противном случае, как только оренбургское войско прибудет, мы заставим вас силой выполнить ультиматум.

При этих словах Михеев потемнел и, стараясь скрыть свое волнение, неловко задвигался на стуле.

— Войско... В наше время всего можно ожидать: сегодня нет войска, завтра — вот оно! Но ведь мы не немцы, чтобы против нас выставлять войска? По меньшей мере, это все странно. Ведь казаки — боже мой! — разве они добровольно отдадут свое оружие, господин Яковлев?! Нет. Это может решить только время. А кто же не подчинится народной власти?.. Постепенно, не спеша, как говорится, казаки и сами сложат оружие. А там уж ваше дело приучать их к мирной жизни. Кстати, господин Яковлев, ответьте, пожалуйста, на такой вопрос: оренбургский комиссар, видимо, нерусский человек? Как его фамилия?..

— Цвилинг.

— Да, да, вспомнил... Так вот что я хотел сказать: в ваших Совдепах уж очень много Бронштейнов, Цвилингов, Фрунзе, Каменских. Скажите, отчего это у вас так много жидов и немцев? Да и сами вы, кажется, мордвин?

— Ваше превосходительство, вы шовинист. Мы не делим людей на нации. Все люди равны. А вас прошу не переводить разговор на другую тему.

— Хе-хе-хе!.. Извините, пожалуйста, если мои слова вас огорчили. Вы считаете меня шовинистом? Но разве это уж так плохо? Я не вижу в этом ничего предосудительного. Но вы, кажется, не удовлетворены моими доводами, господин Яковлев?

— По существу вы мне ничего не ответили. А ваши небыллицы о том, будто казаки не хотят складывать оружия, рассказывайте детям. Возможно, они поверят вам. На самом же деле Войсковое правитель-ство противится разоружению и настраивает казаков против Совдепа. Нам известно, господин Михеев, что вы накапливаете силы, вооружаете казаков. Я еще не встречал в жизни солдат, которые отказались бы вернуться в родной дом. Казаки — тоже солдаты.

— Хе-хе-хе, господин Яковлев, теперь мне видно: вы не русский и не разбираетесь в психологии казаков. Казаки — это крестьяне. Но они не могут чувствовать себя спокойно, если рядом с плугом не воткнуты в землю сабля и ружье. Так у них спокон веку заведено. Это традиция, и берет она начало с тех самых времен, когда казаки стали называться казаками. Изменить ее за день или за неделю абсолютно невозможно. По традиции казаки собрали Большой Круг и избрали себе начальников. А Круг созывался исключительно по воле станичных казаков. Удивительно, как вы не можете этого понять? Собственно, откуда вам, всем этим Цвиллингам, знать быт и обычай русского человека, его душу — того русского, который называет себя казаком!.. Между прочим, господин Яковлев, вы большевик или меньшевик? — спросил Михеев, пристально глядя на Яковлева.

— Господин Михеев, извините, господин председатель, нет никакой надобности знать мои политические убеждения! — отрезал Яковлев, все больше и больше возмущаясь наглостью собеседника.

— Конечно, господин Яковлев, ваша воля — говорить или не говорить, каких вы придерживаетесь политических убеждений. Ведь и Керенский и Мартов — тоже социалисты. Но с ними можно вести переговоры, прийти к обоюдному согласию, а с большевиками, подчеркиваю — с убежденными большевиками, ни о чем невозможно договориться. Именно это я и имел в виду, когда спросил, к какой группе вы примыкаете.

«Что он, насмехается или выпытать что-нибудь хочет? — подумал Яковлев. — Правильно я говорил на заседании: с генералами надо разговаривать тогда, когда у нас будут вооруженные отряды. А пока — придерживаться политики: и вы хороши, но и мы не дурные... Посмотрим, товарищ Дмитриев, хватит ли у тебя геройства схватиться с казаками или нет?..» — мысленно укорил Яковлев председателя Совдепа.

— Итак, ваше превосходительство, вы не хотите по доброй воле подчиниться областному Совдепу? Хорошо. У меня больше вопросов нет, — проговорил Яковлев, вставая.

Михеев сделал вид, будто не расслышал его последних слов, и с удивлением спросил:

— Вы уходите?.. Вас отвезут на санях. Долг гостеприимства — тех, кто приезжает к нам с добрыми, мирными намерениями, встречать доброжелательно и с уважением. Вы не можете себе представить, господин Яковлев, какое огромное удовольствие доставила мне беседа с вами. Да, кстати, мы с вами могли бы хлебом-солью встретить вышедшие из Оренбурга войска. Только, к сожалению, я не знаю, роты это

или полки? И когда они придут сюда? Вы, случаем, не знаете, господин Яковлев?— Михеев подался вперед и замер, ожидая, что ответит Яковлев.

— Господин председатель, вы, наверное, лучше меня знаете, сколько дней потребуется войску, чтобы пройти расстояние в триста километров. Судя по вашим словам, сомнительно, что вы встретите Оренбургский отряд хлебом и солью... Впрочем, это доброе намерение. Будьте здоровы!

— Всего хорошего, господин Яковлев.

Слегка кивнув головой, Яковлев вышел из кабинета.

3

— Полезная болтовня!.. Хотел показать свою силу... Ясно: как мы и предполагали, из Оренбурга вышли войска. Когда я в разговоре между прочим спросил: «Роты это или полки?..»— он проговорился: «Отряд!..» Отряд — это около батальона, если верить словам Яковлева. Я ему не дал окончательного отказа, но и ничего конкретного не обещал. Держал, как говорится, на длинной веревке и вдальбивал в его дубовую башку, что казаки — исконные вояки, привыкли к оружию и не сразу их можно заставить жить мирно. «Надо, — говорю ему, — действовать постепенно, полегоньку, уговорами...»— говорил Михеев, сидя в кабинете у генерала Акутина.

— Он начальник их или рядовой?— спросил Акутин. Свинцово-бледное лицо его продолжало оставаться неподвижным и непроницаемым.

— Все они там начальники, а этот, что был у меня, кажется, тоже председатель. На язык остер, в шовинизме меня обвинил. Ха-ха-ха... А при следующей встрече непременно скажет: «Почему не становитесь большевиком?»— Иронизируя, Михеев поглядывал на дверь, словно Яковлев только что вышел из кабинета.

— Я думаю, вы закончили с ним как положено?

Михеев чуть сощурил глаза, он понял, на что намекал Акутин — на арест Яковлева.

— Куда он от нас денется, господин генерал? Ведь это дело нескольких часов.

«Хитрый же ты человек, — подумал Акутин, глядя на Михеева. — Старая хитрая лисица: не даст ни захлопнуть лапу в капкан, ни следов не оставит. Но ничего, всему свой черед. Придет время, запляшете у меня, как на ежовых шкурах, босоногое мужичье, серошинельники! Дайте только поднять казачков...»

Акутин сидел молча, свинцово-бледное лицо его, казалось, стало еще бледнее.

— По-моему, надо сначала прибрать к рукам поселковых совдеповцев. Ваше мнение?..— холодно обратился он к Михееву.

— Гм, гм, это, пожалуй, верно...

...Как ядовитая степная змея, готовясь напасть на жертву, зловеще шипит, поводя головой и угрожающе выбрасывая вперед жало, — белые